

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. — М.: Наука, 1989. — С. 29–32.
2. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика, Стилистика. Избранные труды. — Л., 1977.
3. Морозова И. Б. Структурно-организующая роль простого предложения в различных функциональных стилях и формах общения (на материале современного английского языка). — Одесса: БАХВА, 1998.
4. Томашевский В. Стилистика и стихосложение. — М.: Высш. шк., 1959.
5. Nowakowska N. Language of Poetry. A Generative Grammar. — London, 1977.

І. Б. Морозова

ОСОБЛИВОСТІ СИНТАКТИКИ ПОЕТИЧНОГО ТЕКСТУ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ)

У статті розглянуто питання синтаксичної організації сучасної англійської поезії. Когнітивна структура поетичного тексту являє собою достатньо розвинуте ієрархічне утворення. Зроблено висновок про те, що спосіб синтаксичного кодування повідомлення, яке передається у поезії, зумовлений необхідністю дотримання певного ритму.

Ключові слова: англійське віршування, просте речення, еліптичне/нееліптичне речення, структурно-непредикатні речення.

I. B. Morozova

SYNTACTIC PECULIARITIES OF POETIC TEXT

The article deals with the problem of syntactic organization of modern English poetry. The cognitive structure of poetical text presents a developed hierarchy. A conclusion is made: the way of syntactic coding of the message conveyed is conditioned by the necessity to keep a specific rhythm.

Keywords: English poetry, simple sentence, elliptical/nonelliptical sentence, non-predication structured sentence.

УДК 81'22:177.1:82-32 Брентано

В. Б. Мусий

Концепт "честь" в "Повести о славном Касперле и пригожей Аннерль" К. Брентано

Автор исследует роль слова "честь" в повести Брентано и приходит к выводу, что оно может рассматриваться как концепт, поскольку это понятие является той структурной единицей ментальности, которая формирует поведение и судьбу героев.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, языковая личность, семантические оппозиции, романтизм, Брентано.

"Повесть о славном Касперле и пригожей Аннерль" была написана Клеменсом Брентано в 1818 году, в момент духовного кризиса, вызванного несовместимостью, с его точки зрения, мирского и религиозного. Постараемся выяснить, как это состояние проявилось в произведении. Поможет нам в этом вычленение и анализ такой константы как "честь". Размышляя о языке художественной литературы, В. В. Виноградов писал о том, что слово никогда не является случайным в тексте, поскольку в "контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого" [4: 230]. Применительно к анализируемой повести К. Брентано это в наибольшей степени характерно для слова "честь", встречающегося в тексте 58 раз вместе с производными от него ("почести", "честной"...).

Причём у нас есть достаточно оснований для того, чтобы рассматривать это слово как концепт, поскольку для героев произведения именно оно представляет собой ту "ячейку культуры" в их ментальном мире, которая определяет их поведение, судьбу. "В отличие от понятий, — пишет

Ю. С. Степанов, — ... концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений" [9: 43]. Само по себе слово "честь" не является показательным лишь для этноса Германии. Корни понятия, которое оно называет, уходят в далёкое прошлое. Потребность в нём возникает, как отмечает А. Репин, у различных народов "с выделением из общины привилегированных групп; коллективный кодекс неписаных правил, принятый в такой группе ..., и называется честью" [8: 14]. И в то же время, когда идёт речь о немецком национальном характере, для которого безусловны нерушимость "общественной дисциплины, порядка, действенной и разумной организации жизни, основанной на уважении к законной власти" [3: 212], необходимо признать его знаковый характер. Поэтому важно понять основы разноречивой оценки его персонажами.

Концепт "честь" наиболее часто встречается в двух историях, рассказанных бабушкой героя, поскольку именно он явился тем стержнем, на котором строилось поведение и Касперля, и Аннерль. "На восприятие мира человеком, — пишет Б. Л. Бороухов, — значительное влияние оказывает встроенный в сознание концептуальный каркас, включающий как невербальные, так и вербализованные концептуальные модели. Мир в сознании "процеживается" через сетку этих моделей и соответствующим образом трансформируется, категоризуется, интерпретируется" [1: 109]. Посмотрим, какой же "пучок" представлений, понятий, значений, ассоциаций, переживаний [9: 43] сопровождает слово "честь" в этих частях произведения, иначе — что лежит в основе концептуального каркаса, на котором строится поведение героев.

В истории о Касперле понятие "честь" акцентировано с помощью многочисленных повторов, а также является частью многократно повторяющихся словосочетаний "чувство чести" и "честь людская". Оказывается, Касперля считали самым честным человеком, что, в первую очередь, означало, что это искренний и добросовестный солдат. Именно так можно понять оценку молодого человека его командиром: "Если в моём эскадроне живёт чувство чести, то квартирует оно у Финкеля" [2: 196]. И сам юноша заботился, в первую очередь, о чести и именно о ней собирал "всякие занимательные истории", которые и рассказывал во время побывки дома. Для Касперля слово "честь" означало достойные гордости принципы поведения человека, а также почёт и уважение, которое проявляют к человеку именно такого образа жизни и поведения. Таким образом, "честный" — это значит "находящийся в добрых отношениях с окружающими, живущий по правде, по справедливости". Подобное представление о чести не выделяет героя из среды. Именно в таком значении употребляет его и старушка, обращаясь к повествователю, не сумевшему сразу доступно объяснить ей, чем он занимается: "Ежели вы не честным трудом занимаетесь, так ещё не поздно взяться за честный, он всегда прокормит" [2: 198]. Поэтому, вероятно, отца и сводного брата героя, которые, как потом оказалось, были способны на преступление, и возмущали рассказы Касперля. "Что ты отцу честью в нос тычешь?... Подайсь ты своей честью..." — восклицают они [2: 196, 197].

В то же время для Касперля слово "честь" связано не только с нравственным кодексом человека, но также определяет его общественный статус. Старушка рассказывает, как тому хотелось стать офицером. То есть оно воспринималось героем как знак его принадлежности к определённой социальной категории. "Он, — сообщает старушка, — никак не мог успокоиться, всё думал о ... чести предстать перед семейными в унтер-офицерском чине" [2: 202]. В этом значении концепт употреблён хозяином конюшни, упрекнувшим улана в том, что у его лошади стёрта холка: "Слушай, друг, это кавалеристу чести не делает" [2: 201]. Таким образом, понятие "честь" выделяет человека: есть "кавалерист" и есть "все остальные". Это осознаёт и сам герой, когда он говорит предлагающему ему деньги мельнику: "Подарка я не приму, мне честь моя запрещает" [2: 203].

Отождествление понятий "честь" и "справедливость" заставляет его выдать судье укравших у него коня отца и брата: "Я потерял честь, потерял честь! — убивался он. — Я сын бесчестного вора!" [2: 205]. В этой же ситуации проявилось и другое значение этого концепта — как основы общественного статуса офицера, подразумевающей соблюдение им достоинства и делающей его при этом безразличным к тому, что он противопоставляет себя семье: "Моя честь, мой долг!" — утверждает он, сдерживая попытки грабителей выломать дверь конюшни, в которой он их запер. История завершается тем, что утрата чести, поставленной героем выше всего на свете, становится причиной его самоубийства. По существу, Касперль следует традиционному представ-

лению о чести, выраженному в немецкой пословице: "Besser Ehre ohne Leben als Leben ohne Ehre" ("Бесчестье хуже смерти"), но при этом наказывает не только близких людей, оказавшихся ниже его понимания достойного человека, но и самого себя, поскольку запятнанность репутации семьи не позволяет ему теперь надеяться и на собственный высокий статус в обществе. Народная точка зрения, выраженная в словах "Ehre verloren, alles verloren" ("Честь потерять — всё потерять"), приобретает для него абсолютный характер.

В истории, рассказанной старушкой об Аннерль, возрастает роль иррационального. Неслучайно повторяющееся трижды предложение с обобщённым субъектом: "В неё как зубами что вцепилось". Но и в этой во многом таинственной истории шесть раз повторяется слово "честь", помогая дать реальную мотивировку того, что произошло. Для Аннерль тождественными оказываются понятия "стыдливость" и "честь". "Wo keine Scham ist, ist auch keine Ehre" ("Где нет стыда, там нет чести"), — в духе народных представлений о морали, считает она [7: 85]. В данном случае основным значением слова "честь" является "чистая репутация", "невинность девушки", позволяющие относиться к ней с уважением. Рассказывая о поведении Аннерль, бабушка восклицает: "... всё о чести, о чести пеклась" [2: 212]. В то же время не это становится причиной гибели девушки. Она предпочитает позорную казнь нарушению слова, которое дала своему возлюбленному. В данном случае, это следование обещанию вновь возвращает нас к такой знаковой для общественного статуса категории, как "репутация". Назвав имя человека, соблазнившего её, она лишила бы его положения в обществе. Безусловно, Аннерль при этом проявила способность к самопожертвованию — ещё одно значение слова "честь". "Из-за этой самой чести и погибла", — заключает рассказывающая историю старушка [2: 212].

Какова же авторская оценка той жизненной цели, которую поставили перед собой Касперль и Аннерль и которая представлена в тексте концептом "честь"? Она двойственна. С одной стороны, повествователь, позиция которого отражает авторскую, восхищается цельными героями, твёрдо следовавшими нравственным убеждениям. Поэтому он, не заботясь о правилах, требует встречи с герцогом, твёрдо веря в то, что тот должен простить совершившую преступление Аннерль и проявить милость к телу убившего себя Касперля.

Однако в тексте слово честь получает также сему отрицательной оценки: "проклятая честь" [2: 214]; "жертвами чувства чести" [2: 220]; "девушка — жертва ложного понятия о чести" [2: 216]. В той песенке, которую слышит повествователь, направляясь к герцогу, слова "честь" и "милость" противопоставляются: "Любви хотела милость, Честь стала на пути..". Причина подобного становится понятной из слов старушки, у которой вызывает страх забота Касперля о собственной чести: "Исполни свой долг, — сказала я, — а честь людскую не чти, чти только господа бога, ему одному честь воздавай!" [2: 204]. Таким образом возникает семантическая оппозиция: мирское/ религиозное; светская честь/исполнение долга христианина, чествование им лишь Бога. В повести К. Брентано именно бабушка героя выражает народное, то есть, с точки зрения писателя-романтика, субстанциальное представление об истинном назначении человека. Именно она является "языковой личностью", "закреплённым преимущественно в лексической системе базовым национально-культурным прототипом носителя определённого языка, своего рода "семантическим фотороботом", составляемым на основе мировоззренческих установок, ценностей, приоритетов и поведенческих реакций" [5: 66]. С точки зрения этой старушки, молодые люди забыли о своём главном предназначении. Индивидуальное оказалось в противоречии с этноментальным. Формальное представление о чести, по существу честолюбие, стало причиной их трагической судьбы. "Ах, надо было бы девочке не так за свою честь держаться, а больше о господе боге помышлять, не забывать его в нужде и, покорясь его воле, снести позор и от людей поношение, не думая о человеческой чести. Господь бы сжалился над ней и ещё сжалится, увидите", — говорит бабушка [2: 200]. Таким образом, семантическая оппозиция честь/ смирение ставится в один ряд с оппозицией мирское/божеское; временное/ вечное. По существу, нравственное, то, что в рассказе К. Брентано является синонимом христианского — "совесть", и кастовое — "честь" оказались для героев в непримиримом противоречии. Следование совести, хотя и требует обращения к собственному нравственному "я", не предполагает, как правило, отчуждения этого "я" от целого, живущего по нравственным христианским законам. Что же касается чести как "системы правил, отличающих данную группу от других и подчёркивающих

её высокий статус" [8: 14], то в повести К.Брентано она оценивается " как проявление диктата общественного мнения" и "требует отказаться от личной воли и следовать определенным правилам" [8: 14], не связанным непосредственно с совестью, с истинным, а не умозрительным исполнением человеком своего назначения на земле и приготовления, таким образом, к Вечной жизни после смерти. Выше заботы о репутации среди людей ставится поведение человека как христианина, выше человеческого суда — суд Бога. К этой народной этике, выражаемой простой деревенской старушкой, присоединяется и автор, противопоставляющий ложное и истинное представление о чести в эпилоге повести в описании памятника, который вскоре появится на могилах Аннерль и Касперля: "Две фигуры по обе стороны креста склоняются к его подножию. Справедливость с поднятым мечом стоит по одну его сторону, милосердие — по другую — протягивает фату" [2: 220]. То, что является знаком земного суда — карает, а истинно Божеское — прощает, разрешает счастье, хотя и после смерти. Как видим, Брентано следовал народной этике, что в целом характерно для второго поколения немецких романтиков. "Вместо клеймовской (и кантовской) абстрактной морали и их защиты путём индивидуального подвига эмансипированной личности Брентано требует покорного ожидания Страшного суда, немудрёной "народной" конфессиональной религиозности..", — писал Е. М. Мелетинский [6: 175]. Всё это позволяет представить ту многоплановость восприятия концепта "честь", которая сложилась в Германии к началу XIX века в связи с тем, что сформировавшееся эгоцентрическое начало не всегда совпадало с субстанциальным.

1. Бороухов Б. Л. "Зеркальная" метафора в истории культуры // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М., 1991.
2. Брентано К. Повесть о славном Касперле и пригожей Аннерль // Избранная проза немецких романтиков: В 2 т. — М., 1979. — Т. 2.
3. Вержбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М., 2001.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. — М., 1957.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ИДВШ: Филологические науки. — 2001. — № 1.
6. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. — М., 1990.
7. Немецкие пословицы и поговорки / сост. В. К. Шалагина. — М., 1962.
8. Репин А. Честь человека. Размышления на литературном и жизненном материале // Литература. — 1999. — № 32.
9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — М., 2001.

В. Б. Мусій

КОНЦЕПТ "ЧЕСТЬ" У "ПОВІСТІ ПРО СЛАВНОГО КАСПЕРЛЯ ТА ПРИГОЖУ АННЕРЛЬ" К. БРЕНТАНО

З точки зору автора, який проаналізував значення слова "честь" у повісті Брентано, воно може бути визнано як концепт, тому що честь — це ядро бачення світу та сенсу життя героями, поведінки Касперля та Аннерль.

Ключові слова: концептуальна картина світу, мовна особистість, семантична опозиція, романтизм, Брентано.

V. B. Musiy

CONCEPT OF "THE HONOUR" IN K. BRENTANO'S "NOVEL ABOUT NICE KASPERL AND ATTRACTIVE ANNERL"

The author investigates the place of "honour" in Brentano's novel and comes to the conclusion that it can be considered as a concept because it is a kernel of heroes mental structure, Kasperl's and Annerl's behaviour.

Keywords: conceptual world picture, speaker's personality, linguistic consciousness, semantic oppositions, romanticism, Brentano.